

Глава первая

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА

1.

Марья Сергеевна Андреева, маленькая женщина в шерстяном платье, спрыгнула с грузовика у Балтийского вокзала, отряхнула ладошками заляпанную глиной юбку и пошла к трамвайной остановке.

Она больше месяца не была в городе и с тревожным любопытством озиралась, разглядывая знакомую привокзальную площадь. Больше месяца она рыла противотанковые рвы — сначала в Кингисеппском районе, потом к югу от Ораниенбаума, потом, когда немцы заняли Петергоф и Стрельну, возле самого города, за Северной верфью, рядом с заводом пишущих машинок «Ленинград». Все это время она вместе с десятками тысяч других женщин спала не раздеваясь, на земле, жила под постоянной бомбежкой, под обстрелом среди горящих деревень и вытопанных полей. Вести из города доходили до нее скудно и редко, и все же она знала, что с начала сентября город бомбят, что фронт подошел к нему вплотную. Она не совсем ясно представляла себе, каким увидит город, когда вернется, но была уверена, что увидит его изменившимся.

Однако, к удивлению ее, город показался ей обыкновенным и привычным. У вокзала киоски торговали водой с разноцветными сиропами, девочки рисовали квадратики на панели и прыгали, прохожие ели эскимо в шоколаде, милиционерша пританцовывала на углу, застоявшаяся вода Обводного канала была пестра от нефтяных

разводов, трамваи скрипели мирно, как всегда. И только в небе, на страшной высоте, среди легких перистых облачков, озаренных солнцем, стлался закрученный, как замысловатый вензель, белый след едва различимого самолета. Марья Сергеевна не знала, наш это самолет или немецкий, но, увидев его, подумала о Коле Серове.

Она решила прежде всего поехать на Васильевский остров к Быстрым, так как знала, что дома ее никто не ждет. Обоих своих детей, Ириночку и Сережу, она еще в начале июля отправила с районным лагерем под Валдай.

Весь июль прожила она одна, дожидаясь эвакуации школы, в которой работала преподавательницей русского языка. Школа должна была эвакуироваться вместе со всеми учащимися и всеми педагогами.

Это ожидание было для Марьи Сергеевны мучительно. Тяжело бездействовать в такое время! Наконец в начале августа день отъезда был назначен, и Марья Сергеевна получила распоряжение явиться в школу с вещами. Но когда она явилась, ей сказали, что отъезд отложен на две недели. И тут же оказалось, что нужно отправить кого-то из учителей на десятидневный срок рыть противотанковые рвы. Марья Сергеевна поспешно вызвалась сама, потому что нестерпимо было сидеть одной в своих пустых двух комнатах, ждать и ничего не делать. Не заходя домой, она выехала вместе с преподавательницей естествознания Катериной Ильиничной Быстрой.

Десять дней прошли, но смена не прибыла, пришлось остаться. Спустя еще десять дней они с Катериной Ильиничной случайно встретили в окопе одну знакомую работницу Дзержинского района, которая сообщила им, что их школа уже уехала. А еще через две недели, несколько дней назад, «Мессершмитт», обстреливая из пулемета противотанковый ров, полный работающих женщин, убил Катерину Ильиничну на глазах у Марьи Сергеевны.

С Катериной Ильиничной Марья Сергеевна была, в сущности, малознакома. Они преподавали разные предметы, в разных классах. Катерина Ильинична была старше Марьи Сергеевны на десять лет, держалась не без важности и казалась не склонной к сближению. Но за месяц, проведенный вдвоем, они неожиданно сблизились и сдружились. И не потому, что они работали, спали, ели вместе, а потому, что Катерина Ильинична с замечательной нежностью отнеслась к Марье Сергеевне, когда та рассказала ей всю трудную историю своего замужества, своего вдовства и своей новой любви.

С Марьей Сергеевной случилось событие, которое волновало и мучило ее ужасно и к которому она сама не знала, как отнестись. Весной этого года, почти перед самой войной, она, мать двоих детей, неожиданно для самой себя полюбила летчика Колю Серова, с которым познакомилась случайно и совсем недавно и который, к тому же, был несколько моложе ее.

Со своим мужем она когда-то вместе училась в педагогическом институте, он был ее однокурсник, тоже словесник, они, прежде чем пожениться, пережили сложный и возвышенный роман, они глубоко знали друг друга, у них были общие вкусы, общие привязанности, друзья, надежды. Окончив институт, они работали вместе и, наверно, жили бы счастливо, если бы он не заболел туберкулезом. Ему становилось все хуже, и Марья Сергеевна в течение нескольких лет, сначала с одним крохотным ребенком, потом с двумя, ухаживала за ним, возила его по санаториям, по клиникам, работала до изнеможения, чтобы кормить его как можно лучше, чтобы спасти его. Под конец он стал раздражителен и капризен и относился к Марье Сергеевне с какой-то детской безжалостностью. И все же она была в отчаянии, когда он умер, и долго не могла прийти в себя от горя. Потом она снова принялась за работу, растила детей, успокоилась, много читала, и ей

казалось, что жизнь ее установилась навсегда. Она никогда не думала, что снова может выйти замуж. Жизнь ее была целиком заполнена работой и детьми.

Она была серьезная, скромная, начитанная женщина, и вторая любовь, неожиданная, испугала ее. Он был человек не ее среды — военный, летчик, занимающийся делом, совершенно ей незнакомым. Она встретила с ним случайно и влюбилась в него так сильно, что никогда даже не подозревала о возможности существования подобной любви. Это была любовь сокрушительная и, главное, независимая от воли Марьи Сергеевны.

И все же, когда ровно за неделю до войны он предложил ей стать его женой, у нее хватило силы отказать ему. Она отказала ему потому, что у нее было двое детей, и потому, что она была убеждена, что он, несмотря на все свои ласковые слова, не может любить ее, и, уж во всяком случае, не может любить ее долго. Рассказывая об этом ночью Катерине Ильиничне, она сказала, что это ясно, «как дважды два — четыре». Но она не могла ей рассказать, какая печальная нежность охватывала ее при воспоминании о его больших руках, о его добрых глазах, о его сутуловатости и какая тайная, робкая надежда жила в ней вместе с этой нежностью.

До разлуки они виделись всего раз семь-восемь, не больше. Жил он где-то далеко за городом, на каком-то аэродроме, и свободен бывал только по воскресеньям. В мае и в июне он каждое воскресенье заезжал за нею, и они шли гулять. Эти воскресенья были для нее очень трудны: она стеснялась соседки, стеснялась своей дочери Ириночки, которой уже шел девятый год. Он тоже стеснялся Ириночки, называл ее на «вы» и с застенчивой улыбкой качал Сережу на колене.

Отказав ему, Марья Сергеевна думала, что никогда уже больше его не увидит. Но в глубине души она все же робко надеялась, что в следующее воскресенье он прие-

дет к ней опять. И он приехал, и когда он вошел, она вся просияла. Она не умела скрыть своей радости. Это было 22 июня. Они вместе выслушали речь Молотова. Через час он уехал.

Марья Сергеевна провожала его на Балтийский вокзал и ехала с ним в трамвае вдоль Обводного канала. Он был бледнее обычного, очень тих, молчалив и, пока они стояли на трамвайной площадке, ни на минуту не выпускал ее руки. Она, маленькая, смотрела на него снизу вверх и старалась угадать, о чем он думает, и не могла, и ужасалась тому, как мало его знает.

Потрясенные, они почти не разговаривали. Она вся была поглощена старанием навсегда запомнить его лицо.

На перроне он сказал: «Береги себя».

Нагнулся и поцеловал ее в губы.

Он вошел в вагон, и поезд двинулся.

Домой она пошла пешком — через весь город, — одеревеневшая от муки.

Она никогда ни с кем о нем не говорила. И только как-то ночью рассказала обо всем Катерине Ильиничне Быстровой.

Они ночевали в сарае; сквозь щели в крыше были видны звезды. Женщины кругом спали, утомленные за день, и жались во сне друг к дружке от холода. И только они обе не заснули до утра, и Марья Сергеевна всю ночь говорила шепотом, плакала и говорила. Марья Сергеевна рассказала Катерине Ильиничне обо всем, ничего не скрывая, полная доверия к ней и благодарности за то, что она не спала ради нее всю ночь, и за то, что она отчего-то считала все сомнения Марьи Сергеевны пустяками. Выслушав, Катерина Ильинична с уверенностью старшей и более опытной сказала, что нужно только уметь ждать и они непременно увидятся.

— Если вы оба останетесь живы, — прибавила она.

На другой день Катерину Ильиничну убили...

Марья Сергеевна редко бывала на Васильевском острове и не без труда нашла дом, в котором жили Быстровы. Огромный шестиэтажный дом этот стоял на маленькой, тихой улочке, позади зданий институтов Академии наук и университета. В конце улицы видна была набережная Малой Невы, светлая вода, баржи. Марья Сергеевна оглядела все шесть этажей и остановилась.

Она совсем не представляла себе, как сообщит родным Катерины Ильиничны о ее смерти. Она никогда у нее не бывала и никого из ее родных не знала. Слышала она, что муж Катерины Ильиничны находится на фронте. Есть дети. Мальчик совсем еще маленький, не старше, вероятно, Ириночки. И дочка. Катерина Ильинична часто повторяла: «У меня дочь уже совсем взрослая». Наверно, ей лет восемнадцать. Катерине Ильиничне было сорок лет, она могла иметь восемнадцатилетнюю дочь. Как ее зовут, эту девочку? Кажется, Соня. С ними живет еще отец Катерины Ильиничны, работает в каком-то институте, очень, должно быть, старей...

Марья Сергеевна заглянула в бумажку, на которой записан был адрес Быстровой. Квартира 28, со двора, справа, шестой этаж. Пройдя под длинной аркой, Марья Сергеевна вошла во двор.

Двор был квадратный, глубокий, наискосок прорезанный солнцем. Большая белая стрела на стене указывала вход в бомбоубежище. Кучка детей — веселых и оживленных — носилась по двору, и воздух звенел от их криков. Были это все больше мальчики, и все довольно маленькие; но Марья Сергеевна сразу заметила и девочку, голенастую, выше и шумнее всех. Играли они не то в пятнашки, не то в палочку-выручалочку. Эта голенастая девочка в самозабвении игры и веселья с разбегу чуть не наскочила на Марью Сергеевну, и Марья Сергеевна заметила черные волосы, большой рот, прямой носик, веснушки, расположившиеся по обе его стороны,

как два крылышка, и темные глаза, блестящие от восторга.

Марья Сергеевна свернула направо, остановилась у входа на лестницу и посмотрела вверх, стараясь угадать окна той квартиры, куда ей предстояло войти. Там, в вышине, окна были озарены солнцем, еще по-летнему ослепительным, и голуби сидели на подоконниках.

Пока она смотрела вверх, у нее за спиной раздались твердые мужские шаги. Она обернулась. Какой-то морской командир проходил по двору. Увидя его спину в кителе и сдвинутую на затылок фуражку, Марья Сергеевна вздрогнула и задохнулась.

Коля Серов тоже носил форму морского командира. В первые дни их знакомства она даже считала его моряком, а не летчиком. Он объяснил ей, что он морской летчик, показывал какие-то нашивки на рукаве, но она мало поняла из его объяснения, потому что ей это было безразлично. С тех пор как он уехал, она, увидев человека в форме морского командира, всякий раз вздрагивала. Командир направился к одной из дальних дверей в глубине двора. У двери он обернулся и взглянул на Марию Сергеевну. У него было полное немолодое лицо. Ничем не был он похож на Колю Серова.

По темноватой лестнице Марья Сергеевна поднялась на шестой этаж. На двери квартиры 28 блестела начищенная дощечка с надписью: «Профессор Илья Яковлевич Медников». Надпись была сделана еще по старому правописанию, с твердыми знаками и ятем. Марья Сергеевна остановилась перед дощечкой, стараясь отгадать, кто этот Медников. Жилец? Сосед? Его зовут Илья... Вероятно, отец Катерины Ильиничны, а Быстрова она по мужу...

Пока Марья Сергеевна медлила перед дверью, внизу раздались чьи-то шаги. Кто-то быстро взбежал по лестнице. Марья Сергеевна глянула вниз, в пролет, и увидела ту самую девочку, которая во дворе чуть не сбила ее с ног.

Девочка бежала легко, перескакивая через ступени. Когда они встретились глазами, она крикнула:

— Вы к нам? Я так сразу и подумала, что вы к нам...

Марья Сергеевна поджидала ее на площадке. Девочка взбежала на шестой этаж, почти не запыхавшись. Это, конечно, дочка Катерины Ильиничны, и Марья Сергеевна удивилась, как это она сразу не догадалась. Катерина Ильинична тоже была такая же рослая и черноволосая, только в волосах много уже седины; тот же крепкий прямой носик, тот же крупный рот, те же брови... «Ей никак не больше шестнадцати, — подумала Марья Сергеевна. — Может быть, и шестнадцати нет...»

Впрочем, в глазах девочки уже не было того детского счастья, которым полны они были давеча, там, на дворе. Она оглядела Марью Сергеевну с тревогой, ожиданием и некоторой даже строгостью.

— Вы от мамы, да? — быстро и негромко спросила она, пробежав последние ступеньки.

Марья Сергеевна кивнула.

— Я так и думала, что вы оттуда, — продолжала девочка. — У вас юбка в глине. — Она глядела Марье Сергеевне в лицо со все возрастающей тревогой. — Что с мамой? Что с ней случилось?

— Вас зовут, кажется, Соня... — начала Марья Сергеевна.

— Она убита? — спросила девочка.

Марья Сергеевна опять кивнула, пораженная ее догадливостью, и отвернулась.

Она слышала у себя за спиной дыхание девочки. Ни всхлипыванья, ни вдоха. Так стояли они довольно долго. Потом Марья Сергеевна нащупала в кармане своей жакетки пакетик, крест-накрест перевязанный бечевкой, вытащила его и обернулась.

Глаза девочки были широко раскрыты, и слезы кати-

лись по щекам, собираясь на подбородке. Но, видимо, она их не замечала.

— Снаряд? — спросила она.

— Нет, — сказала Марья Сергеевна. — Нас обстрелял самолет.

— Когда это было?

Марья Сергеевна подумала.

— В четверг...

— Ее похоронили?

— Нет. Нас сразу вывели из рва, и больше мы туда не возвращались. Там теперь немцы... Вот...

Она протянула девочке пакетик. Это были перевязанные бечевкой письма в конвертах, паспорт, три сто-рублевки, фотография лысеющего мужчины в сером пиджаке, в галстук, — все, что хранила на себе Катерина Ильинична.

Девочка взяла пакетик и держала его в протянутой руке, даже не взглянув. Большие слезы падали на каменные плиты лестничной площадки.

Марья Сергеевна осторожно коснулась плеча девочки.

Вдруг за дверь раздались приближающиеся мягкие шаги. Девочка вздрогнула, лицо ее сразу стало спокойным. Она рукавом стерла слезы со щек и спрятала пакетик под блузку.

— Уйдите, пожалуйста... — торопливо шепнула она Марье Сергеевне. — Спасибо вам...

Не успела Марья Сергеевна спуститься на несколько ступенек, как брякнула дверная цепочка, дверь квартиры 28 распахнулась и на пороге появился небольшой человечек в голубом халате и красных мягких туфлях. У него было горбоносое старческое личико с седыми, до голубизны усами. Держался он прямо, и голова его в черной ермолке была откинута назад важно и не без надменности.

— От Кати? — спросил он резким голосом.

— Да, — сказала девочка спокойно, стараясь не выпустить его на площадку и загораживая от него Марью Сергеевну. — Она просила передать, что еще там задержится.

— Я говорил, что нам уезжать рано, — сказал он. — Мы будем ждать ее.

Девочка осторожно втокнула его назад в квартиру и сама вошла вслед за ним. Дверь захлопнулась.

2.

Марья Сергеевна жила на улице Маяковского, которая раньше называлась Надеждинской, а еще раньше, лет сто назад, Шестилавочной. Она сошла с трамвая на Невском и пошла по своей родной улице, знакомой до каждой трещины в тротуаре, внимательно глядя по сторонам. Она сразу заметила, что здесь за время ее отсутствия произошли изменения, большие, чем в тех местах города, где она успела побывать.

Уже во втором доме от угла были выбиты все стекла. Поравнявшись с родильным домом имени Снегирева, она увидела широкий пролом в стене, выброшенные в палисадник скрюченные железные кровати. Напротив, в больнице имени Жертв Революции, один из белых двухэтажных корпусов был сметен наполовину. Дом на углу улицы Жуковского был совсем уничтожен, и только искривленные железные балки торчали в небо. Лишь один край его, самый дальний от угла, все еще держался, словно на весу, и с улицы можно было видеть внутренность квартир, точно вскрытых огромным ножом: яркие пятна зеленых, желтых и синих обоев, фотографии на стенах, шкаф без дверей с висящим в нем пиджаком, и над всем, на самом верхнем этаже, зеркало, отражающее ясное бледное сентябрьское небо.

Сюда, видимо, попала особенно крупная бомба, потому что все стекла во всех окнах были выбиты до самой ули-

цы Некрасова. Марья Сергеевна пошла быстрее, торопясь увидеть свой дом. Впрочем, она не очень волновалась. Никого из близких у нее дома не было, а дорожить вещами ей сейчас казалось нелепым. С тех пор как началась война и уехал Коля Серов, и особенно с тех пор как уехали дети, она чувствовала себя не то что свободной, а словно ни к чему не прикрепленной. Каждый дом был ей дорог как свой; ей казалось, что каждый из них мог бы дать ей приют, она могла бы жить с любимыми людьми, как жила в сарае на оборонных работах, и всюду чувствовала бы себя дома. Она знала, что та борьба, которая началась три месяца назад, была теперь единственно важным, и стремилась возможно скорее принять в ней участие. Она вернется на оборонные работы копать рвы или поступит на какой-нибудь завод, работающий для фронта. Ей только необходимо прежде съездить к своим детям, устроить их, быть уверенной, что они в безопасности...

За улицей Некрасова стекла в окнах были целы. Свой дом она заметила издали. Он был невредим, совершенно такой же, как раньше. У ворот ее встретила управдомша; она улыбнулась Марье Сергеевне и, кажется, хотела что-то сказать, но Марья Сергеевна поспешно поднялась к себе на четвертый этаж, открыла дверь своим ключом и вошла в квартиру.

Квартира эта состояла всего из трех комнат, и две из них занимала Марья Сергеевна. В третьей жила Анна Степановна, соседка, старуха жизнелюбивая, деятельная и неестественно говорливая. Когда-то у Анны Степановны был муж, работавший где-то на заводе, были дочери. Но муж давным-давно умер, дочери вышли замуж в другие города, и уже лет пятнадцать Анна Степановна жила совсем одна на пенсии. Марья Сергеевна много раз ссорилась с ней из-за несносной привычки Анны Степановны влезать во все, что ее не касалось: в стряпню, в воспитание детей, в знакомства Марьи Сергеевны; но ссоры эти кон-